

З

апретные мысли не выскажешь вслух. Но они мечутся где-то внутри, ограниченные жестким, навязанным сверху мышлением. Это похоже на прозрачные толстые стенки аквариума, за которыми прыгают золотые, красные, синие искры чудесных рыбок. Будто один хвостик и бриллиантовый глаз. Это блошиный рынок на конечной остановке желтого народного автобуса. Теперь есть такие бесплатные автобусы для неимущих...

В подземном переходе на остановке продают гобелены в рамах. Остановка так называется — «Улица гобеленов». Ленивые львы, ниспадающие ветви южных роз и пальм, зеркальные воды и крохотные домики, островерхие решетчатые беседки — все это плывет мимо и заманивает. Все эти пышные красоты будто созданы, чтобы тебя успокоить, обаять и навеять сон. А дальше, за блошиным рынком, если идти налево, располагается большой магазин с гобеленами. Их сотни, но уже без рам. «Тайная вечеря», где у Христа и апостолов вся одежда из бархата... А разве могло так быть? Нет, конечно, это же были запыленные странники, живущие милостыней... Портреты неведомых дам в шелках и перьях, сумрачных сирен, которые ускользают в гроты...

Фактура гобелена помогает создать теплоту восприятия. Так думала Дружана. Волею судеб попавшая в технический вуз, а сама все по привычке тянулась к тканям. Чисто женская чер-

та. Образ мышления. И мир ее был где-то там, среди этих тканых пальм и заводей. Дружана шла на блошинный ряд за старыми тканями, за чудесной пестрой мелочью, зачем-то еще, пока не знала. Иногда ее просили сделать панно кому-то на день рождения, она находила в журналах личико, а локоны и платье клеила сама. Дружана — существо акварельное, полупрозрачное, светло-серые глазки и сноп русых волос, а по бокам косички, чтоб волосы не лезли в глаза. В коске фенечки, на запястьях самодельные браслетки из смолы. А еще на ней простонародная сине-сатиновая рубашка-косоворотка, по рукавам вышитая крестиком. Сверху еще овчинная жилетка серая, потому что хоть и весна, но ветер студен и коварен.

Мать с тревогой смотрит на воскресные походы дочери на блошинный рынок. Говорит:

— А зачем? То, что тебе надо, у нас есть рядом, в лавочке «Все для шитья». Ходишь по этим окраинам, делать там нечего. Полдня впустую уходит.

Но Дружана недоуменно плечи поднимает — разве надо объяснять? Она чудо ищет. На блошином рынке возможна редкость в одном экземпляре, там есть маленькое и особенное. Вот, например, она нашла там дореволюционную открытку с девочкой и кошкой. Девочке лет двенадцать, а глаза жгучие, взрослые, а волосы — как у цыганки, и текут потоком на плечико. На лицо ребенок, а уж сквозит желание. Дружана тихоня, всегда ходит и молчит, ни с кем не говорит, и мать волнуется, что уже институт на исходе, пятый курс, а мальчика нет. А она же не ведется на атаку, на захват. Только — если полная сдача в плен.

Мать так дрожит за хорошую учебу дочки, что звонит другу студенческих лет и просит: Рашид, помоги дочке с курсовой? И добряк Рашид говорит — конечно. Но Дружана не идет к Рашиду, думает — авось, сама. Отец ее и этот Рашид были друзья — не разлей вода, а теперь отца давно нет, пять лет как. А Рашид Тоевич вообще-то у Дружаны ведет сразу две дисциплины, ей неудобно обращаться к нему, как к репетитору.

Дружана бродит по блошиным рядам, вертит в руках то старинный чайник для заварки, отливающий перламутром, то моток диковинной многоцветной тесьмы, то пакетики с бисером. Она, щурясь, зевает по сторонам и не видит, что за ней пробирается щуплая мужская фигура. Человечек идет странной походкой, то ныряя, то подпрыгивая. Идет, виляя зигзагами, постепенно забегая вперед. Потом достает из кармана нечто и показывает ей. Она смотрит: что, старинный? Видимо — бисер, видимо — да.

— Где взяли?

— Там.

И пока они идут, разговаривают, проталкиваясь через толпу блошиного рынка, надо рассмотреть этого Федора. Он гораздо ниже ростом, чем его спутница, худой, несоразмерно широкие плечи и длинные руки, крупная голова, тяжелые веки. Он улыбчив, но улыбка его пугает. Говоря, он без конца поправляет кепочку с козырьком на самые глаза, и напрасно — глаза его темные и тревожные, как ртуть, выразительные. На нем нелепые клетчатые штаны на резинке внизу, широкая в клетку куртка...

— Ну и что ты делаешь, когда не учишься?

— А я и не учусь. То есть я иногда читаю физику, математику.

— На экстернате, что ли?

— Да ну! Какой экстернат. Ну, типа того.

— Тем более.

— Ползаю по сети. Модерирую кое-что.

— Значит, Федя. Сейчас мне некогда, но потом я найду к тебе...

— Всего пару шагов, Дружана. И свернем.

Он ее так уговаривает, что просто непристойно. Вблизи он кажется старым,

складки у рта. Старый мальчик с седыми висками, в черной кепке с козырьком. А одежда слишком новая. «Ну ладно, иду». Он идет развинченной походкой, открывает Дружане дверь, саживает в кресло, несет холодный напиток. Руки его не очень слушаются, и девушка вовремя подхватывает пластиковую бутылку.

— Опа. Аккуратнее. Что с руками?

— Я инвалид.

— Сочувствую.

— Вот еще. Запечатлею тебя, ты не против? Ты так пристально смотрела gobелены, я видел.

— Gobелены нравятся, это так. Но все равно сюжеты штампованные.

— Вот так вот, на фоне колонн.

— Ну, как хочешь... Что за аппарат?

— Кэнон пять дэ марк три. Это круто?

— Дорогой. Я слышала только... Хватит, хватит.

— Но ты такая экзотичная, Дружана. Ты югославка? Или болгарка?

— Да нет. Местные мы.

«Местные» она произнесла с бляньем. Кто тут экзотичнее, еще неизвестно.

— Спасибо. Теперь мы вместе? Мне везет сегодня.

— Тебе нужно общение? Ради Бога. А что с тобой вообще?

— Это скучно.

— Ну ладно, а сколько тебе лет? Или об этом тоже нельзя?

— Мне реально восемнадцать, хотя на вид сорок. Быстро старею.

— А мне двадцать один.

— У-у! А на вид тебе все шестнадцать...

Он перекидывает фото на компьютер и начинает ей показывать снятое через комп. Его граблевидные руки молниеносно прыгают по клавиатуре. Как отдельные существа. Кадры идут косо, в нервно, перевернутых ракурсах, Дружанка едва узнает себя и не знает, нравится ли ей это. Как-то неожиданно. Она помнит себя бесцветную, бледную, почти стертую. А здесь — сжаты губы и вытаращены глаза. Лицо с опущенными веками перечеркнуто косичкой, и на фенечках звезды теплятся. Что это такое-то? Видимо, Федя не просто копирует натуру. Или приемы. Или глаза его ртутные видят иначе.

Время летит незаметно. За окном темнеет. Федор нервничает, чаще и чаще роняет предметы из трясущихся рук. Подумать только, впервые девушка в гостях. Однако, смелая.

— Сейчас я достану... сделаю... Бутерброды, кофе, etc. Сейчас мы кофе... и ты пойдешь. Потом опять. Сейчас ты пойдешь. И так час, другой.

— А что? — спрашивает Дружана осторожно, — твои родители скоро придут?

— Нет, — говорит он, — не сейчас. Придет, может, психолог, но это свой человек. А может, и завтра.

— И ты... Один живешь и справляешься один?

— Да... В основном.

— А что ты так нервничаешь?

— Ну...я же не знаю, сколько мне осталось.

— А-а-а. Это не шантаж, надеюсь?

— Какой шантаж, шутишь.

Он открывает книжку и показывает ей страницу. «Синдром Гетчинсона-Гилфорда, или прогерия. Впервые открытая на планете Гамма Гидра IV в ... году, болезнь старения была вызвана радиацией от кометы, прошедшей через атмосферу планеты, и уничтожила колонию ученых прежде, чем доктор Леонард Маккой смог найти способ борьбы с ней — адреналин, а не более современное средство — хироналин».

Дружана кусает губы.

— И что я должна?

— Да ничего!

Она ходит по его комнате, внимательно разглядывает обстановку. Кровать высоковата, раскладная, на пружинах. Монитор поворачивается лицом и на кресло, и на кровать. На окнах жалюзи, полоч много, книг мало. Диски. Все зеленое. Палас — как трава со слабой рябью одуванчиков. Одним словом, минимализм.

— Где же я буду спать?

— Что, не понял?

— Где я буду спать, если останусь?

— Кресло раскладное.

И удивление смывает гримасу злости с его лица. Ожидал он этого или нет? Возможно, но никогда бы не произнес вслух. А тут и она удивляется безмерно. Надо же телефон забыть дома. Нарочно, что ли?

Первые дни они не соприкасаются даже. Они передвигаются кругами, испуганно отдергивая руки, чтобы не столкнуться случайно. В ванную по очереди. Около хлебницы, около чайника — после вопросительного взгляда и кивка. Комната отца заперта, он уехал на время. Мать не с ними, она не знает состояния Феда. Она бы прибежала, наверно, но отец и сын не хотят. Может, сообщат ей, когда... Из клиники ходят в основном три врача. Федя отказался от сиделки, хочет, пока можно, сам обслуживать себя. У него банковская карта, которой он оплачивает продукты и все для фото. Федор сделает Дружане портфолио, отправит фото на электронку и все равно хочет печать на тисненой бумаге. Дружана варит невесомые сырны супы. Она бы отправила матери сообщение, но мать никогда не подходит к компьютеру. Решила отправить телеграмму через интернет. «Мама, не волнуйся. Я у друзей за городом. Приеду через неделю».

Но через неделю не получается.

— Скажи, ты долго шел за мной по блошиному рынку?

— Нет. Просто заметил, что ты смотришь бисер, etc.

— А зачем ты смотрел, что я там смотрю?

— Захотелось снять, а аппарата не было. Боюсь уронить.

— Ты рад, что получилось?

— Рад. Только ничего не получится. Мм... Ты так хороша, а я ...

— Иди сюда. Не бойся. Ты же герой...

В ее закрытых глазах мелькает его лицо, похожее на маску: громадные глаза с опухшими веками, маленький нос, жабий рот... Но она не дрожит. Она раскачает его, даст ему уверенность, даст все, что можно и нельзя... Так горяча ее жалость, силен гнев против смерти в этом тощем развинченном теле. За что его так? Он неумело отвечает, стараясь не стонать. Но стон из него так и рвется.

— А говорил, не получишься.

Тяга с каждым разом становится сильнее. Он догадывается, что это первый шаг, возможно, жертвенный. Но позже видит ее горящие глаза. Нет, ее тоже зацепило.

Через пару дней врачебный осмотр. А психолог звонит и не приходит вообще. «Скорей бы ушли!» Приезжает отец, причем рано утром, неожиданно. Молча варит кофе и ласково здоровается с заспанной девушкой. Отец невозмутим. Но Дружана долго сидит неподвижно перед включенным компом. Ее что-то терзает. В каком виде она предстает перед родителем Федора? Или уж насовсем здесь, или уж конец баловству. Федор тоже молчит. Гладит ее по плечу своей тяжелой несоразмерной рукой. Складки на его лице разглаживаются, и он неуловимо молодеет. Яркие глаза влажнеют, в них тепло. Он даже напоминает счастливого человека.

Что в это время переживает мать? Уму непостижимо. Мать не просто вспоминает все известные ей молитвы. Она тащится в церковь и заказывает молебен о здравии. Она уже готова идти в полицию, но боится, что дочь ее не поймет. Она же написала в телеграмме: «Мама, я у друзей. Скоро приеду». Надо подождать. А вдруг ее убили? Она сидит перед иконой, а девочка с пшеничными волосами валяется где-нибудь в канаве. Или в канализационном люке. Нет, вся эта любовь к блошиным рынкам — это полная дурь и нечисть. Мать неслышно плачет, потом перестает есть, прибираться, молиться. И просто каменеет. Из института звонят подружки — где Дружана? Уехала? Куда, к кому? Не знаю. Телефон Дружаны взрывается звонками, лежа в углу ее дивана. Потом разряжается и гаснет. Мать долго и путано ищет зарядку, ставит его около розетки. Ничего не происходит. День за днем ничего не происходит.

Дружана приходит домой под утро. Она приходит как обычно, только в шесть утра. Мать стоит в прихожей в ночной рубаше, держит себя за сердце и за горло. Она боится закричать и того, что сердце вывалится. Но дочь тихо обнимает ее.

- С тобой ничего? — всхлипывает мать. — Ты ведь живая?
- Со мной ничего, мама. Прости, но я не по своей воле. Меня не отпускали.
- Что значит — не отпускали. Ты попала к маньяку? Взаперти? В наручниках?
- Не совсем. Трудно объяснить.
- У тебя болит что-нибудь?
- Нет, мама. Если не считать, что очень болит сердце.
- А у меня тоже сердце. Давай тебе накапаю.
- Давай.
- Ты не замерзла, пока шла?
- Нет, мама. Тепло.

Они выпивают по пятьдесят валокордина. Крякают. Ставят чай. Простое городское утро кажется нереальным. Солнце невыносимо яркое в окне, птицы как-то истошно кричат. Как во сне. Машины — вжж, вжж.

- Ты помнишь число, Дружанка? Возьмешься ты за ум или нет?
- Возьмусь за ум, за сердце, за себя и за тебя. Только посплю чуть. Несколько ночей не спала.
- Ах ты, боже мой...
- Тише, мама. Все потом расскажу. Только ванну приму. Меня тошнит от усталости.

К Рашиду Тоевичу Дружана пришла в апреле. В июне защита дипломного проекта, половина мая праздников, и, как говорится по-местному, не у шубы рукав. Рашид сидел над этим дипломом почти ежедневно. Несмотря на обычную нагрузку в полторы ставки. Он понимает, что это не девочка диплом защищает, это он диплом защищает, готовясь сам же его принимать. Из телефонного плача матери ничего непонятно, да и не до того ему. На защите десять человек, всех не оплачешь. У того одно, у того другое. Поступая в этот трудный институт, потом начинается. Дружана была сосредоточенная, бледненькая, без эмоций. Соображала.

- Ты на листе номер три все поняла?
- Да.
- А что не так на пятом — тоже поняла?
- Да, я переделаю...

На майские праздники ее позвали поехать по путевке. У подружки Сони путевка сгорела, кто-то Соню подвел. Она прибежала к Дружане и давай ее трясти — поехали, поехали. Дружана лежала на диване, отвернувшись к стене.

— Выручай, дорогая. Денег с тебя не возьму. Сама потом отдашь, если захочешь. А не понравится — и ладно.

— Не поеду я, не поеду.

— Ну почему?

— Диплом не сделан. Буду чертить.

— Да брось, Жанка! Всего-то десять дней. За бесплатно! Развеешься.

Жгучая Соня излучала энергию и упоение жизнью. Но ехать по путевке не хотелось. Хотелось сесть на желтый народный автобус и доехать до конечной остановки «Улица Гобеленов». Там ее ждут, там одно ее появление уже немислимый праздник... Оттуда такие письма по электронке бегут. Только не надо себе врать. Это никакое не благодеяние! Это невозможность жить без этого человека. А еще страх — сколько он протянет? Год, два? Но это же шкурные мысли, так нельзя думать. Надо запретить себе... Если не можешь отдать жизнь, не надо никого обманывать. И строить из себя сестру милосердия. Неужели даже отец признал ее? Так смотрел он тепло, улыбочиво...

Дружана собралась за час и ушла.

Мать потом изучала ее маршруты по груде фотографий — валуны в полях, водопады на реках, луковки деревянных церквей, и озера, озера... До того были таинственны и притягательны карельские виды, что аж самой захотелось поехать. Но дочь она распросами не дергала. Пусть уже учится, а то не ровен час, бросит все. Мыслимое ли дело, на такое решиться.

* * *

Кроме фоток Дружана положила перед мамой скромный документ. Это было свидетельство о браке.

— Прости. Вышла я замуж, мама. Ричарду надо было ехать на службу, он не успел зайти, поклониться. Военный человек.

— Что-о?

— Ничего, мама. Я после диплома уезжаю к нему...

— Да кто он хоть такой?

— Сонин брат. Это судьба.

Соня уговорила брата точно так же, как Дружану. И точно так же он не хотел ехать. Отпуск заканчивался, да и вернуться он хотел пораньше. Объяснял потом, что у тебя с билетами не сложилось. Ричард не любил случайностей, поэтому билет заготовил. Понятно, что жгучая Соня поехала в тур со своим парнем, а Ричарду досталась в спутницы ее безучастная и тусклая подруга. И как он ни покупал ей шоколадки, буклетики музейные и даже цветы, она все смотрела сквозь. Автобус каждый день мчал их к зеркальным озерам и гремящим водопадам. Но у нее лицо всегда было какое-то. Будто стерли ластиком с него все эмоции. «Бедняга, — осенило Ричарда, — да ей еще хуже, чем мне». В том смысле, что он порвал со своей девушкой уже год назад. И хотя Ричард тоже был более жгучий, чем Соня, соответственно их еврейской внешности, сердце все еще ныло.

Были пешие походы, в которых не соврешь. Снимая котелок с костра, он обжег палец. Зашипев от неожиданности, увидел, как тотчас расширились ее глаза. Уж как она обхаживала тот палец. Как мазала его, как бинтовала. Так вот что выводит ее из ступора — чужая боль.

— Дружана, — шепнул он, — ты случайно не сестра милосердия?

— Как раз наоборот! — ответила она, покраснев. — Было бы у меня милосердие, я бы тут не сидела.

Ну, и вся группа вокруг костра как-то притихла, потому что девушка впервые за всю экскурсию подала голос. «Болит? — Болит. — Дай перевяжу. — Так это внутри. — Ах, внутри? И у меня внутри». И глянула так, что веснушки побелели. Ричард понял, что это не просто так слова. Верная будет. Как она вся вспыхнула и засветилась изнутри. Соня потом жарко рассказывала, как они, будучи проездом, искали в чужом городе ЗАГС и как Ричард показывал свой билет и свой военный билет. И что жена ради него бросила институт — и вот свидетели.

Но она не такая, чтобы бросить учебу. Диплом Дружана защитила на пятерку. Госэкзамены сдала, как положено, тоже на пять. А чего ей это стоило? Нет борьбы страшнее, чем с самой собой.

И она стремительно унеслась на поезд. Что за молодежь! Не посидеть, не отпраздновать! Все это мать Дружаны рассказала Рашиду спустя год, когда столкнулась с ним у института.

— Сначала ты делал курсовые и дипломы мне с мужем, потом и дочке. Я тебе так благодарна за поддержку, знаю, просто целой жизнью тебе обязана. Вообще жаль, мы стали так редко видеться... Вчера были такие молодые, а сегодня уже все, да, Рашид? Семья как?

— Семья потихоньку. Дети работают. Внук растет.

— У меня тоже!

Тут она порылась в сумке и достала что-то.

— Смотри вот.

На снимке была Дружана с колясочкой. Глаза смотрели прозрачно и ясно. Она стояла у большого валуна, за спиной проступали старинные фонари, за ними водная гладь. Рядом с нею высокий молодой человек в полосатом джемпере. Да, хрупкая Дружана выглядела как сильная личность, которая знает, что делает. Характер, ничего не скажешь.

— А это пришло по почте, когда уж она уехала. Откуда пришло — неясно.

Сквозь пшеничные волосы смеялись глаза Дружаны, перечеркнутые тонкой косичкой в бусинах.

* * *

Разговаривать со Стояном Федя не захотел. Утром на кухне вид у соседа был такой довольный, что стало мерзко. Набивался на беседу. Но Федя взял вскипевший чайник и пошел. А шел-то коряво, чуть плеснув кипятка на ноги. Тот взвился.

— Ты что? Не понравилась девочка?

— Держите своих телок при себе, — грубо бросил Федя, ковьяля в комнату..

— А-а. Ты, видно, не Стоян.

И посмотрел как сальный кот. Курчавые седоватые волосы были мокрые после душа, а лицо все красное, блестящее. Сосиска вареная, облитая дезодорантом.

Федор отвернулся, ничего не говоря. От радужного халата соседа пошел дым, пламя было прозрачно при свете дня. В руке его тлела папироска, он не сразу заметил. Он позже заметил и стал топтать, тушить, видимо, открыл в ванной кран на полную мощность. Но Федя заметил сразу, дым ведь потянулся от плеча, куда смотрел Федор. И он скорее заковылял прочь, его затрясло. Он поставил чайник, не то разлил бы его напрочь. Упав лицом в кресло, он разрыдался. Ему стало легко. «Папа, папа», — повторял он. Наслаждение от вида загоревшегося халата было удовольствием — как освобождение от чего-то. Минуту на-

зад ему казалось, он лопнет от злости, а тут вдруг стало так хорошо. «Ужас, что я делаю», — подумал Федор и настроил письмо отцу. Что сосед развел бордель в квартире. Хотя дело было в другом. В непонятной радости от свершенного зла.

Глянул на отправку — письмо Дружане ушло ночью оборванным на полуслове. Вот что она подумает? Сможет ли представить, что именно его отвлекло? Нет, надо так и написать — пришла девка голая, отвлекла... Будет над чем съязвить... А ведь эдак можно и квартиру поджечь... И он, Федька, будет гореть в огне, который сам разжег! И корчиться, как василиск. Стало страшно.

Федор был еще ребенок, грубость и резкость — это просто защитная реакция. Отец ему ответил, что ничего страшного, что сосед дал огромный аванс и скоро съедет. «Ты невыдержан, Федя. Ты привык к одиночеству, а чужой человек всегда враждебен. А ты, наверно, слегка одичал. Но ты немного потерпи, ведь есть и хорошее. Ты сам говоришь, что он забывает холодильник едой. Он может врача вызвать, в аптеку сходить. Тебе нужен живой человек рядом. Надо как-то владеть собой, понимаешь? Это никакая не тренировка для тебя, не думай лишнее, просто договор еще не кончился, и я не могу приехать тотчас, мне просто не заплатят. Надеюсь, ты понимаешь. Мы все эти годы понимали друг друга. Пойми и сейчас. Я ведь тоже обещал Стояну комнату на определенный срок, по старой дружбе. У него были проблемы. А ты показал себя таким молодцом, что я почти перестал за тебя бояться. Надеялся, что все получится... Стоян взрослый мужик, и у него есть свои недостатки».

Ага, недостатки. Которые он сам считает достоинством... «Да не социализуй ты меня, папа! — мысленно спорил Федор. — Мне уже восемнадцать». И он собрал в кулак свои восемнадцать, свои волевые качества и стал убеждать себя не беситься. Отец без матери столько жил и никогда не демонстрировал своих мужских талантов. Потому что был деликатным, особенно в таких вопросах. А этот не успел прийти и встал в позу. Ну, что говорить, есть такие. Но не все такие.

Он считал, что в доме один, когда в дверь комнаты постучали. Хамский сосед этим не стучал обычно, просто распахивал нужную дверь. Кто? Сердце предательски заныло.

— Можно к тебе?

Спиной и зеркальцем на мониторе он увидел давешнюю девочку в шортах, только она была уже не в шортах, а в темном узком платье с кружевным воротником, и растрепанные волосы туго собраны в пучок с бархатной резинкой. Лицо с неровно наложенным румянцем. Узкие глазенки опущены. Так, началось. Прописываться будет?

— Чего опять?

— Не бойся, я тебе суп принесла. Ты никогда такого не ел.

— Да нужен мне твой суп вместе с тобой!

Но она вышла и невозмутимо вернулась, открыв дверь нараспашку, внесла кастрюльку, окруженную облаком ароматов. Федор напрягся, одернул бесформенную толстовку в кляксах. Он редко ел горячее, не видел смысла. Ему было все равно, что есть. Вредно, не вредно — все относительно.

— Попробуй.

Он посмотрел и не увидел ложки. Но эта догадалась, сходила. Суп оказался неожиданно густой, как крем. Вроде на вкус грибной, но грибы не плавали в нем.

— Неплохо, — пробормотал он, съев все до конца. — Молодец.

О, как гордо она вышла! Не вышла, а выплыла. И влоборота прошептала:

— Меня зовут Бемоль, Молли.

— А меня Дизел, — парировал он.

Да неужели Стоян подослал? Возможно и сама.

— Вернись-ка...

— Что такое?

— Зачем ты это делаешь, Молли? Тебе он велел?

— Нет, мне никто ничего не велел.

— А почему тогда?

— Потому что ты очень сексапильный. И еще потому, что не хочу сгореть заживо.

— Что-о-о?

Значит, он сказал ей. Напрасно, она теперь будет бояться. Но Феде нужно не это. Нужно, чтоб другой боялся. На улице зарядил дождь. Не страшно, еда сейчас неактуальна. На мониторе замигал в углу конвертик — сообщение по почте.

«Федору Фарину. Здравствуйте, Федор. По заявлению вашего отца Фарина Ионы Степановича вы раз в неделю подключаете камеру, для беседы выходите в скайп. Я как ваш лечащий врач обеспокоена тем, что вы уже месяц не выходите в скайп. Проверьте вашу камеру. Если есть необходимость в реальном визите — напишите. Марина Савельева, поликлиника № 37».

Да забыл! Проверил камеру и увидел, что не работает. Вызвал человека из компьютерного обслуживания. Ну да, он отключал скайп, потому что не хотел, чтобы Дружана... И так далее. Но не разбивал же он ее.

Мастер из компьютер-сервиса приехал часа через два. За окном черный сплошной дождь. Мастер снял дождевик, поставил в уголок, осмотрел большого. Ничего особо не нашел, потому что пользователь за машиной следил. Но камеру снял, проворчав «прошлый век», и поставил другую, и в скайп вышел на свою фирму. Мастер походил на хищную птицу и после каждой операции ставил точку большим клювом. Оставил визитку — если позвоните и дадите входной пароль, я подключусь дистанционно и помогу без визита. И быстро улетел опять в дождь, шурша дождевиком. А Федор вылез на лоджию, стал смотреть в ночные мокрые огни и как через пару кварталов просвечивает вывеска «Улица гобеленов», перевернутая зеркально. Острый мокрый воздух обновил его. И ему вдруг показалось, что все не так ужасно. Наоборот.

Он отписал докторице, потом и еще кое-кому, навел порядок с врачами, искал работу. Федор не умирал с голоду, но ему хотелось самоутвердиться. Взял пока расшифровку аудио, может, получится. И теперь он часами сидел за компом не просто так, лазая по фотосайтам, а, нацепив наушники, тюкал буковки. Ну а те, в свою очередь, капали на банковскую карту. Узнала о том и доктор Савельева и прислала ему на расшифровку материалы совещания. Тоже на карту — кап, кап. Но все равно, врачи просто зачастили. То по месяцу никого, а тут каждый день: то аллерголог, то невропатолог, то хирург. Это нервировало его.

Физиотерапевт никогда не был — тут явился, стал приставать с гимнастикой. «Вот же у вас поручни специальные», — тараторил он, выдвигая блестящие штуки из кровати Федора. Будешь тут нервничать. И вот, когда он выполнял отжимы на поручнях, притащилась эта Бемоль Турабекова, то есть Молли со своей кастрюлькой. Постучалась — какой прогресс! — и стоит. Пришлось сползать с тренажера и распахивать дверь. Чуть не умер. В национальной одежде стояла Молли, в атласном халате, держит меня семеро.

— Что за маскарад?

— Это особенное блюдо — лагман, — обиженно потянула она. — На, поешь, ты такого никогда не ел.

— А ты?

— А я тоже нет.

— Значит, не твой обед?

— Нет, конечно.

И пока он ел, она призналась, что учится на повара и лагман принесла с конкурса. Пришлось поделиться...

— А ты нормальная, Молли, — сказал тихо Федор, — особенно когда одета. Из тебя бы вышел великий повар. Зачем ты дружишь с этим Ст... Стой Яном.

— Он меня везде устраивал. Я приехала из стойбища дикая. Теперь учусь вот. За это он взял меня...

— Взял?

— Ну да, прямо в машине. Вон она, цвет металлик, внизу.

Сонное состояние Феди сразу улетело. Дорогой автомобиль внизу во дворе стал надуваться как резиновый, будто сквозь слезы таращился на него Федор.

— Эй, ты чего? — позвала Молли. — Не надо! Нет!

Но было поздно — машина уже загорелась, и пятнадцати минут не прошло. Федор ушел, упал ничком. Это уже уголовщина. Но радостное чувство свободы брало верх. Мстительная, злая радость, от нее чуть потряхивало, но он уже будто не сердился на Стояна, а ведь только что убить хотел.

Лег на спину. Длинные, будто паучьи руки Федора лежали на поручнях, ноги в спортивках раскинуты. Большой рот полуоткрыт в улыбке. «Какой же я гад», — подумалось издалека слабо, неотчетливо. Молли исчезла, не желая видеть разборок. Федя стал ждать сигналов, звонков. Приезжали на полицейской машине, посмотрели-зафиксировали. Что дальше? Стоян пришел поздно, но живой и очень бухой. Он гремел бутылками, хлопал холодильником, что-то ронял, сыпалось стекло. Пошел в душ, там все перевернул. «Сейчас побреет все места и придет». Зачем он так долго бреется, обливается водой туалетной, брови и виски красит? Куда и собрался? Кто он? Метросексуал?.. Было уже два ночи, когда в дверь постучали. Федя напрягся.

— Ну что, Федор Иванович, будем говорить, как люди, или сразу пожарных вызывать?

Федор Иванович не ответил.

— За папенькой твоим таких фокусов не числилось. А я его много лет знаю. Очень хочется позвонить в полицию. И тогда тебя запрут, где надо, а папенька налетит на большую некрасивую сумму.

Опять молчание.

— Но мы сделаем иначе. — Он сидел важный, глянцевоый, воняя своей водой «Коза ностра». — Ты мне попалишь еще пару машин, и мы разойдемся. А?

— Не выйдет.

— Да тебе выпала такая штука — грех не попользоваться. Ты что, не понимаешь своей силы?

— Понимаю. Но для этого надо очень ненавидеть человека.

— Да я тебе такое расскажу по дороге, ты сам задымишься. Завтра и проверим.

— Не могу, у меня завтра два доктора.

— Ты, кстати, обратил внимание, как они забегали? Это отец приказал. А знаешь, почему?

— Почему? Я вижу, вы и в поликлинику уже сходили.

— Да потому что тебе сроку давали до шестнадцати-семнадцати, по прогнозам. А тебе уже больше. Ты пошел на сверхсрочку? Эскулапы в панике. Да еще вытворяешь такое. Тут пора не врача, а священника вызывать, больной...

И он беззвучно выплыл из комнаты. Надежды на сон не было никакой. Щелкнула кнопка, полилась нежная музыка для релаксации, прерываемая шумом прибоа. Главное — не смотреть на него. Вот сейчас же ничего? Обошлось. Главное — не смотреть...

Наутро Стоян совершенно точно ничего не забыл. Он быстро попил кофе — немного пожужжала кофемашина. Стукнул пальцем в дверь Федора. Научился быть вежливым, что ли? Потом, не услышав ответа, проговорил вполголоса:

— Поедем, покатаемся. Кое-что покажу.

Федор давненько не выбирался на улицу. Тут скривился и нехотя оделся. Руки и ноги плохо сгибались, словно у Железного дровосека после недели дождей. Чего он пристал-то, в самом деле? Не может сам разобраться со своими криминальными делишками. Угрюмое осеннее утро плевалось дождем и тут же сорвало с Федя кепку с козырьком. Его отросшие волосы встали дыбом и закрыли глаза. Что за ерунда?

Стоян вызвал такси, странно. Ах да, машина-то у господина Стояна сгорела... Неудобно. Дело-то подсудное.

Приехали в немыслимую дыру на окраине. Какие-то почерневшие деревянные дома, покосившиеся бревна, фанерой забитые окна... На крыльце пьяные мужики, один в майке, второй в измусоленной куртке на голое тело.

— Здравствуйте, товарищи. Мы комиссия по письму. У вас чего тут?

— Да вода в подвале... И крыша на хрен течет...

— Покажете?

— Да вон сюда иди.

Стоян щелкал телефоном. В подвале плавали ящики, порскнули крысы. В коридоре залитые водой доски. Из нижней квартиры выбежала женщина, давай кричать. Все про крышу, про детей, которые болеют.

— Не шуми, мать, — взял ее за руку Стоян. — Разберемся.

Разбираться было бесполезно. Это была нищета и злоба. В поселке таких домов было несколько. В жизни есть, на бумаге нет. Дома-призраки.

— Зачем вы мне эту мерзость показываете? — Федор, забираясь в машину, стукнулся головой и плечом. Ежился от боли.

— Затем, что люди обманутые. С них берут за жилье, а того жилья-то и нет. И прописки. И, соответственно, ремонта лет тридцать.

— Вы не по адресу.

— Адрес-то у нас есть... — усмехнулся Стоян.

Они проехали старинный парк. Здесь Федор когда-то с отцом был. Плескалась река, в соснах перекликались птицы. А вот сейчас не узнавал этого места. У реки был коттедж, обнесенный кирпичной стеной. За такой стеной не то что коттедж, там целую тюрьму можно спрятать. Объехали, забрались на холм.

— Вот главный коммунальщик города. И его загородный дом. Копия паспорта вот. Видел? Парковая, один. Спасибо мужикам в майках.

— Что вы несете? Такая откровенная обработка.

— Да ну?

— Может, это ваш?

— Ну, брателло, мой скромный бизнес для этого слабоват. Поехали.

Федю Фарина потряхивало, если честно. Но не потому, что хотелось запалить коттедж. А потому что все это было гадко. Федю везли на машине как наемника.

— И какой у вас скромный бизнес?

— Очень скромный. Небольшой ресторан.

— Только туда не приглашайте меня, пожалуйста. Я не заработал. Остановите. Мне в аптеку.

— Стой, брателло, какая аптека, все принесу домой.

Такси остановилось, и Федя заковылял прочь под дождем. Хотел зарыдать, но сам себя одернул, что как баба, в слезах. Да и откуда он знал, как именно реагиру-

ют бабы... Хорошо, хоть ноги пока не отнялись. Искаженное лицо старого подростка превратилось в маску. Он даже не плакал, он как-то кашлял, почти лаял. До чего он докатился, мститель хренов. Потом он резко перестал. Впереди шла женщина, оглядывалась. Нельзя же так лаять на людей, на прохожих. Он попытался затихнуть, прерывисто дыша. Женщина была незнакомая. Невысокая, полная. Клетчатый плащ и шляпа. Шаль поверх плаща. Что же в ней было такое, что хотелось идти за ней? Вот так он пошел когда-то за девушкой. И она оказалась его. Просто как потащило. Тревожная кнопка сработала — и пошел, даже забыв, что он страшный. Но тут другое. К этой важной тетке он не подойдет. А вот ее сумка... Что не так с сумкой?

Сумка была из гобеленовой ткани. Такой саквояжик нарядный, отделанный кожей. Но — знакомые колонны и водопады. И розы еще. Гобелен, вот оно что!.. Федор взял себя в руки и свернул в свой двор. Свитшот и ветровка промокли, скорее в ванну. Измученный, он выполз из лифта и отпер входную дверь.

...Папа. Когда тебя обнимаешь, то можно быть маленьким и жалким. Всегда же приходится делать бравый вид, не насупливать брови, выпрямляться, не морщиться от боли, а с папой можно не притворяться. Пап, как же долго ты ездил в этот раз. Ну, прокормиться кое-как еще можно самостоятельно, теперь даже достатка в супермаркете есть, но обнять категорически некому.

Они так постояли.

— Давай-ка переодеться, сынок. С тебя ручьем вода течет. Как ты?

— Ну, я же тебе писал. Врачи по графику.

— А настроение?

— Не очень. Этот наш сосед...

— Он съедет. Уже перевел мне за проживание. Ты в душ?

Отец стоял в тапочках, в большом свитере, с резко загорелым лицом, короткими усами. Лысина его не портила, глаза смеялись. Ах ты, красавец мой, старый мушкетер.

— Что ты улыбаешься? Разъездился, понимаешь... — и сам, расплывшись, ушел в ванную.

Он сейчас не хотел нести ответственность ни за что, даже за себя. В нем все болело и разрушалось. Черт его дернул спалить машину Стояна. Почему-то он связывал эти вещи. Вот его скрючило, а почему? Потому что он палить не стал. Зло не нашло входа и мстит.

Он долго лежал в ванне, пока не понял, что встать не может. Его томил внутренний жар. Тело отяжелело, освинцовело. Наверно, все же простыл, полоротый. Как сквозь сон он слышал возню и шаги в квартире, видимо, торжественный выезд Стояна. Не хотелось его видеть никак. Пусть папа, он все сумеет. Непонятно все же, как у папы, трудоголика и романтика, оказался в друзьях такой отвратный тип... Ну, это мы потом узнаем.

Федор невежливо рухнул спать после ванны. Спал долго, неглубоко и мучительно, переворачивая намокшее одеяло. Даже и не понял, ночь он проспал или две. Кто-то давал ему пить. Невдалеке кто-то хохотал отрывисто и бездушно. Приходил доктор, осматривал, был недолго, оставил рецепты. Узкая грудь Федора была обложена горчичниками, лекарства скользнули в рот с ложки. Наконец, он очнулся.

— Пап!

Еще раз позвал и еще. Папа пришел и стал трогать лоб.

— Пап, я умираю?

— Дурак ты. Кто б тебе тут дал помереть.

— Интересно... — еле ворочая языком, спросил Федор, — интересно, кто тут все ржал ночью?

— Ночью? — переспросил отец, перестилая постель. — Ты валяешься уже трое суток. Но, думаю, пора вставать. К нам придут гости.

— А что, кто?

— Ну, просто. Проездом, — уклончиво так.

— А скажи, Стоян уже съехал?

— Да. Освободил мою комнату, как обещал. А что за девица тут все маячит?

— Да ну ее. «Калинарный техникум».

— Нет, не «да ну». Она и утром уже была, и звонила. Сказала, что приготовила для тебя что-то особенное. Интересно же. Я большой гурман. Если на готовенькое.

— Ладно, как хочешь... пусть тащит свое блюдо.

Накрывали на отцовской половине — большой стол раздвижной. Нашли какие-то разномастные бокалы и старательно их вымыли, а также квадратные разноцветные тарелки из пластика. Федор понес маленькие десертные тарелки и упал. Его кружило. Отец убрал осколки, сделал вид, что ничего особенного.

— Иона Степаныч, — пиццала якутская Молли из кухни, — а вилки где? А салатник?

Больше всего она волновалась из-за супника, которого у Фариных сроду не было. Тогда она, пронюхав, нашла круглую стеклянную вазу и наполовину заполнила ее желтым бульоном с зеленью. И вокруг раскидала всяческие пирожки-крохи размером не больше куриного яйца, громадный салат и рагу с курицей и печенью в соусе.

Федора тошнило от этой помпезности и он слинял на лоджию, а там от соседей послышался тот самый жуткий смех. Да что такое? Видимо, не приснилось... Вон дико смеющийся дядька в женской кофте. Ведь явно не в себе. Вдруг как придвинет рожу к стеклу, прямо растекся.

И вот гости отца. Та самая женщина в клетчатом плаще и в шляпке.

С тем самым саквояжиком из гобелена. Еврейская дамочка в годах, вполне еще ничего. Но как только закурила — Федя почувал неладное. Никогда и никто не курил у них в доме. Даже курящий Стоян. А тут по ходу все можно? Кто же она такая?

— Садитесь, ребята, — агитировал Иона. — Знакомьтесь — это мой сын Федор Фарин, это его подружка Бемоль, ее ручками накрыт этот стол, а это моя старая добрая знакомая Фейга, город наш посетившая по делам. Она в данный момент проживает в землях израилевых, а виделись мы последний раз лет пятнадцать назад. У нас замечательный повод поднять бокалы. Федору недавно стукнуло восемнадцать. По стечению обстоятельств он немного проспал свой праздник. Вот мы это сейчас и наверстаем. Фейга, дорогая, прочитай-ка. Что там означено на твоей красивой бутылке?

Фейга отодвинула в сторону приторные дамские сигареты и медленно стала читать — переводя, видимо, с иврита:

— Урден Мерло... Насыщенный вкус вина демонстрирует сложную смесь... из ягодных и фруктовых нот, оттенков свежих трав, цветов апельсина и какао и завершается... ээ... длинным, затяжным послевкусием. Аромат вина наполнен тонами сливы и вишни, перекликающимися с нюансами шоколада и цитрусовых... Вино рекомендуется... эээ... подавать к сочной праздничной утке «Конфи», приготовленной на гриле, также к бараньим отбивным с грибами. Извините... Я не знала, что... И ты, Федор, прости...

— У нас блюда из курицы, но, надеюсь, они букета не испортят, — подливал Иона вина в огонь.

«Надо же, — подумал Федор, — и ничего не поделаешь, нельзя сказать «нельзя». А вслух заметил, качая бокалом (сейчас обольется, — испугалась Молли):

— Спасибо за такое внимание ко мне... Но я бы не сказал, что это такая уж праздничная дата, скорее, наоборот, скорбная. Мне предсказывали на восемнадцать лет большие неприятности. Я рад, что папа со мной. Молли, спасибо за пирожки, кучу бабок, наверно, потратила. Мы в состоянии поучаствовать... И вам спасибо, гостья. Женщины это всегда...

Иона поднял брови, его что-то сместило. Может, внезапная речь Молли?

— Иона Степаныч, Федор Ионович, Фейга... я случайно в такой компании и очень, очень волнуюсь. Хотелось бы как-то поучаствовать... сидеть за столом с такими людьми... для меня это честь. Федор, с днем рождения...

— Но-но, девочка. За одним столом люди сидят, если очень доверяют друг другу. Спасибо, все роскошно приготовлено. Чудеса слушаются только человеческих рук.

После обильного вина и плотной еды напряжение кое-как стало спадать. Иона показывал слайды через рамку, тащить комп Феде не захотел. Природа в Алтайских горах, конечно, обалденная. Все эти волшебные реки, кишащие рыбою — Хомутинка, Бия, Малиновое озеро с ярко-розовой волной, Змеиный колодец, курорт Белокуриха, Телецкое озеро... Синева озер была пьянящая, вгоняющая в столбняк.

Во время просмотра Федя замечал руки Молли, крадущиеся под его толстовку втайне от посторонних взглядов, и молча вытаскивал их обратно. Молли вздыхала.

— Подышите, сынок, на лоджии, нам надо поговорить, — мягко сказал Иона. А лоджия в комнате Феде, так что просьба была понятна.

— Какая женщина, — шепталась в ухо Молли.

— Руки убери.

— Убери, ладно. А ты думаешь, кто она?

— Папина подружка. Периферийная любовь.

— А вот и нет, дурачок.

И она опять стала приставать. Тунгусская мордашка дразнилась и хихикала. В это время снова дикий хохот. Они шарахнулись в разные стороны. Смотрят — лицо со стороны соседей прилипло, как блин, и растеклось по перегородке. Фу, гадкое какое. Это значит, он все смеется... Как будто он, Федя, красавец.

А потом постучали и позвали. За неубранным столом курила чужая Фейга, и она, не поднимая глаз, говорила о своей вине. Ох, и горькая была речь, ох, и горькая. О больном сыне, который до трех лет не вставал, и никто из врачей не давал даже надежды, что встанет. Деньги кончились, все, что можно, было продано, а положение все хуже. Иона держался, подрабатывал, где мог, жену всячески жалел... Ну и уехала... Многие тогда уезжали. Ее выпуклые глаза не исторгали слез, круглые брови не вытягивались в скорбный уголок. Тяжелые веки были опущены. Выразительный тонкий рот жадно держал сигарету, топя в дыму круглое лицо в родинках.

Федя понял.

— Я перед вами театры играть не буду, — сказал он. — Хвастать нечем, я инвалид, который может со дня на день умереть. И вы тут особо не бейтесь, вас понять тоже можно. В Израиле, наверно, жить легче. Но если при жизни замириться хотите, я не против. Я знаю, что такое мучение и мучить никого не собираюсь. Мы с папой живые люди, нас ни включить, ни выключить. Терять заново еще хуже. Спасибо, что приехали... мама.

Тоже старался говорить сухо, но сердце так и прыгало, так и кидалось на ребра. Он не мог ее так сразу обнять, отвращал и душил сигаретный дым. Но внутри что-то сладко плавилось. Эта женщина здесь, чтоб жалеть его, плакать над ним. С ума сойти. И она думала о том же, но молчала.

Про реабилитационный центр ему потом Иона рассказал. Как он, маленький, спеленутый, лежал на спецкровати. Весь в трубках. Как Фейга заходила в плаче, глядя на него, как уехала потом. А свой приезд Фейга потратила на то, чтобы обезвредить больного соседа — и его увезли в психиатрическую. Важно одно — она хрипкое слово «мама» слышала.

Его никто не просил это произносить. Он сам. Ведь у него теперь была семья, пусть даже с ограниченным сроком действия. А папа уже выдал ключ от квартиры этой легкомысленной Турабековой.

